

Шэнь Минкэ в раздражении потер виски. Пришлось отправить всех своих телохранителей к Юй Аню — пусть сначала защитят его, на случай чего. Не дай бог, дядя, который так опекает Пэй Цинъи, увидит того всего в синяках — и тогда мало никому не покажется.

*

Молодожёны, медовый месяц — самое время для нежности.

Сегодня на работе подчинённые Шэнь Цзюня с улыбкой подтрунивали: мол, раз у господина дома красавица-жена, то и настроение сразу улучшилось. Сам Шэнь Цзюнь не заметил, но, усмехнувшись, спросил: «Неужели правда?». В ответ услышал: «Всё на лице написано!».

Пускать эмоции на лицо всегда было для Шэнь Цзюня табу. Но на этот раз он не счёл это чем-то плохим.

Вспомнив, как за завтраком его молодая жена ворчала, что он «слишком долго её мучил», и даже отворачивалась, Шэнь Цзюнь по дороге домой спросил у секретарши, что сейчас любят есть молодые. Та с улыбкой уточнила: «Для госпожи?». Получив кивок, посоветовала сладости и молочный чай — нынче в моде. Мол, если господин купит, госпожа точно обрадуется.

Шэнь Цзюнь поблагодарил, сам сел за руль и поехал в самый популярный кондитерский магазин в центре. Выбрал десертов, упаковали целый пакет.

В руках он нёс узелок в старинной масляной бумаге — традиционные китайские сладости. Проведя много времени со старой госпожой, Шэнь Цзюнь и сам проникся любовью к восточным лакомствам, потому и прихватил свежее испечённых финиковых кексов.

Сладкий финиковый аромат тонкими струйками просачивался сквозь аккуратную упаковку, постепенно наполняя комнату, смешиваясь с запахом благовоний.

Шэнь Цзюнь неслышно подошёл к двери спальни. Та была приоткрыта. В щель он увидел юношу, сидящего на краю кровати спиной к нему. Чёрные, густые волосы, ещё влажные после душа, лежали на спине, с них по-прежнему капала вода.

Он думал, Пэй Цинъи почует запах кексов и обернётся. Но прошла минута, а тот, казалось, так и не заметил его присутствия. Тогда Шэнь Цзюнь вошёл, поставил угощение и спросил с улыбкой:

— О чём задумался так, что я уже который момент стою, а ты и не видишь?

Услышав голос, Пэй Цинъи будто очнулся. Он обернулся, инстинктивно ухватился за край пиджака мужчины и, запрокинув голову, поднял на него глаза — они были влажными и покрасневшими у уголков.

Взгляд, казалось, таил в себе целое море слёз, готовых хлынуть при первом же мигании.

Юноша выглядел настолько хрупким и беспомощным, что Шэнь Цзюнь при виде этого почувствовал, как сердце ёкнуло.

— Что случилось? Тебе плохо? — тут же спросил он.

Но Пэй Цинъи лишь крепче обхватил мужа за талию, прижался лицом к его боку, и из груди вырвалось тихое рыдание. Шэнь Цзюнь почувствовал, как рубашка в том месте стала тёплой и

влажной. Лицо его потемнело. Он провёл рукой по мокрым волосам юноши, затем опустил ладонь на округлое, но худое плечо и сказал мягко:

— Цинъи, расскажи мне. Не бойся.

Но едва его пальцы коснулись плеча, тело Пэй Цинъи вдруг резко напряглось, будто вздрогнуло.

Шэнь Цзюнь нахмурился, отнял руку и, приподняв подбородок юноши, увидел те самые глаза, полные слёз.

— Что такое? Говори. Плечо что?

Пэй Цинъи отпустил его, отодвинулся, отвернулся и покачал головой.

— Ничего.

Но Шэнь Цзюнь не поверил. Он потянул за одежду — и юноша тихо вскрикнул от боли.

На белом, словно нефрит, плече зияли ужасные кровавые полосы, кожа была разорвана.

— Господин...

Пэй Цинъи изо всех сил удерживал одежду, с мольбой глядя на него. Голос его звучал скорбно.

— Пожалуйста, не смотрите...

Но лицо Шэнь Цзюня стало мрачным, как грозовая туча, нависшая над головой и не дающая вздохнуть. Молча, он продолжил стаскивать одежду. Пэй Цинъи сопротивлялся, но в конце концов неосторожно задел рану — рука разжалась, и верхняя часть тела, покрытая рубцами от плетей, предстала перед глазами.

На чистой коже юноши пересекались десятки сине-багровых полос. Некоторые сочились кровью, особенно на плечах — там удары пришлись сильнее всего, плоть была разорвана. До этого Пэй Цинъи был плотно одет, и Шэнь Цзюнь ничего не заметил.

— Кто это сделал? — спросил Шэнь Цзюнь.

Пэй Цинъи ни капли не сомневался: стоит ему сейчас назвать имя — и Шэнь Цзюнь живьём сожрёт того человека. Но он молчал.

Мало. Этого ещё мало.

Он ждал, когда терпение Шэнь Цзюня иссякнет окончательно, когда тот станет ещё более беззащитным перед его болью. А сам он раскроет правду лишь тогда, когда скрывать уже будет невозможно. После этого... ему бы хотелось увидеть, что натворит Шэнь Цзюнь в слепой ярости. Цена, конечно, высока, но для него она ничего не значила.

В актёрской среде случалось, что один артист, невлюбив партнёра, под видом сцены избивал другого. Такое бывало. Но Пэй Цинъи не ожидал, что Юй Ань осмелится настолько открыто подстрекать кого-то избить его под предлогом работы, совершенно не боясь разоблачения. Совсем обнаглел, ни во что не ставил всю съёмочную группу.

Пусть продолжает буяннить. Пэй Цинъи ему в этом поможет.

Хоть и пришлось потерпеть, зато теперь не нужно будет горбатиться в качестве дублёра. Для Пэй Цинъи это выгодная сделка.

Шэнь Цзюнь повторил вопрос ещё несколько раз. Голос его становился всё тише и ровнее. Пэй Цинъи знал: это предвестник взрыва. Дальше молчать — себе дороже. Прикусив губу, он медленно рассказал всё. За одним исключением — почему вообще стал дублёром Юй Аня.

Это было прошлое, о котором он не хотел вспоминать.

Тогда он был глуп. В его сердце жил один Шэнь Минкэ, и он делал всё, что тот скажет. Шэнь Минкэ пожелал, чтобы он стал дублёром Юй Аня — и Пэй Цинъи подписал пятилетний контракт, обрекая себя на жизнь в тени, без права появляться на экране. Он был счастлив, думая, что Шэнь Минкэ будет доволен. Ждал его всю ночь. А тот в тот же вечер отправился к Юй Аню, используя его доверие как разменную монету для ухаживаний.

Его контракт оказался всего лишь бумажкой, подтверждающей, что Шэнь Минкэ нашёл Юй Аню подходящего дублёра. Ничего не стоившей бумажкой, которая отняла у него лучшие годы.

До встречи с Шэнь Цзюнем, даже после расставания с Шэнь Минкэ, Пэй Цинъи был вынужден оставаться дублёром Юй Аня — таков был контракт.

Пэй Цинъи уже подумывал свести счёты с жизнью. Бабушка умерла, а значит, не нужно было больше терять достоинство, добывая деньги на её лечение, оставаясь безликим дублёром.

Но, видимо, небеса решили в последний раз подшутить над ним — в самый отчаянный день его жизни он встретил Шэнь Цзюня.

...

Воспоминания всегда выбивали из колеи. Спокойно, монотонно Пэй Цинъи рассказал всю свою историю и тихо добавил:

— До конца контракта осталось меньше двух лет. Я не хотел создавать вам проблемы, чтобы все узнали, что ваша жена — дублёр. Да и штраф за расторжение мне не выплатить. Приходилось рано утром тайком уезжать. Обычно работа была просто утомительной, ничего больше. Но сегодня тот актёр, видимо, не рассчитал силу... вот и получилось.

Он посмотрел на Шэнь Цзюня. Тот молчал, тонкие губы плотно сжаты, лицо бесстрастно.

— Господин? — осторожно позвал Пэй Цинъи.

Шэнь Цзюнь не ответил. Он молча вышел. Пэй Цинъи замер, лихорадочно соображая, не ошибся ли он в чём-то. Но тут мужчина вернулся с небольшой аптечкой.

— Я обработаю твои раны.

Мужчина отодвинул волосы, закрывавшие раны, набрал на палец мази и аккуратно нанёс.

Пэй Цинъи склонил голову, терпя жгучую боль. Его белая спина покрылась тонкой испариной. Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем жжение сменилось прохладой и стало легче.

Почему-то движения Шэнь Цзюня были уверенными и ловкими. Дезинфекция, мазь, бинт — всё делалось быстро, аккуратно и почти безболезненно.

Пот на его спине был не только от боли. Было ещё и напряжение.

Пэй Цинъи не понимал, о чём думает Шэнь Цзюнь. Тот был спокоен. Ожидаемой ярости не последовало. Внутри осталась лишь пустота, чувство, будто почва уходит из-под ног, — и никакого успокоения.

Перевязав раны, Шэнь Цзюнь взял аптечку и снова вышел. На этот раз он не возвращался почти полчаса.

<http://bllate.org/book/15935/1424388>